

Будучи прославленным в индустрии развлечений режиссером, Жун Хуай прекрасно понимал, как выстраивать композицию и ловить нужный ракурс, поэтому для Бай Мэнси всё внезапно изменилось.

Сцену, которую изначально планировали разбить на три дубля, удалось снять одним заходом. Жун Хуай не стал затягивать процесс из-за того, что нахлебался воды, а вот Бай Мэнси, никак не способный настроиться из-за мыслей о грядущей фан-встрече, раз за разом проваливал дубли.

Режиссер Чжао, чье терпение подходило к концу, хотел уже отчитать его, чтобы привести в чувство, но Бай Мэнси слишком дорожил своей репутацией. Оказаться пристыженным на глазах у всей съемочной группы было для него невыносимо. Чем больше он нервничал, тем больше совершал ошибок. Третий дубль снимали весь вечер, и лишь к самому закату сцену наконец удалось завершить.

Режиссер Чжао был человеком дотошным. Даже снимая социальный ролик, он стремился к совершенству, поэтому, сидя за монитором, он снова и снова пересматривал отснятый материал.

Возможно, под влиянием души, в глубине темных глаз Жун Хуая промелькнул едва уловимый золотистый отблеск, а улыбка стала чистой и прозрачной, словно озерная гладь. Когда объектив был направлен прямо на него, любой, кто смотрел в камеру, понимал: нет ничего более трогательного, чем эта улыбка.

Струны души режиссера Чжао дрогнули.

У него было предчувствие, что после выхода ролика тот произведет настоящий фурор.

У Бай Мэнси уже сводило лицо от натянутой улыбки. Изначально он готовился к съемкам куда тщательнее, чем Жун Хуай, и больше нравился режиссеру, но сегодня его состояние было подавленным. Видя, что всё внимание достается Жун Хуаю, он был глубоко уязвлен и постоянно ловил на себе косые взгляды персонала, которому приписывал насмешки за спиной. Как только съемки закончились, он поспешно ушел приводить себя в порядок.

Заметив, что работа подошла к концу, помощник Чжан, долго ждавший в стороне, подошел к ним:

— Режиссер Чжао, сегодня мы затянулись допоздна, может, останетесь ночевать на вилле?

Режиссер Чжао про себя удивился: они снимали уже три или четыре дня, и заканчивали всегда позже, чем сегодня. С чего это господин Бо вдруг стал таким щедрым?

Помощник Чжан и сам был в замешательстве, не понимая, почему босс, который до этого был

совершенно равнодушен к съемкам, вдруг переменяет свое отношение. Но режиссер Чжао, подумав, что поспать в роскошном особняке — это удача, вежливо помялся для вида и, подхваченный ожиданиями окружающих, согласился.

Лишь Жун Хуай отказался от любезного предложения:

— Прощу прощения, режиссер Чжао, у меня есть дела дома.

Сегодняшнее впечатление, которое Жун Хуай произвел на режиссера, было исключительно положительным, поэтому тот расплылся в улыбке, словно довольный Будда:

— Хорошо-хорошо, тогда будь осторожен в дороге. Успеешь ли ты завтра к началу? Если нет, мы можем немного сдвинуть график съемок.

Жун Хуай улыбнулся в ответ:

— Это не мешает съемкам.

Обойдя Бай Мэнси и коротко попрощавшись с остальными, Жун Хуай сел на заднее сиденье личного автомобиля. Сяо Чжоу за рулем тронулся с места. Город, погружающийся в вечерние сумерки, сверкал огнями. Спустя час пути машина остановилась перед старым, потрепанным жилым комплексом.

Фанаты вряд ли могли представить, что Жун Хуай до сих пор живет в таком обычном месте.

Сейчас большинство людей переехали в новые районы, и в старом центре остались лишь немногие, в основном старики, приросшие к этим местам. В тусклом свете уличных фонарей Жун Хуай открыл дверцу и обернулся к Сяо Чжоу:

— Не уезжай пока, мне скоро нужно будет спуститься.

Сяо Чжоу, не задавая лишних вопросов, кивнул.

Жун Хуай захлопнул дверь, отсекая тепло салона, и привычно открыл замок своей квартиры.

Жилье находилось на пятом этаже. Едва войдя внутрь, Жун Хуай обнаружил, что пространство здесь до боли тесное. Узкий коридор был завален всяким хламом, пройти по которому было настоящим испытанием, но все эти вещи не принадлежали Жун Хуаю.

Услышав шум в прихожей, из комнаты показался молодой человек в наушниках, рубашке и шортах, с небритым лицом. Он открыл рот и закричал так громко, словно был рупором:

— Брат Жун, закажи мне доставку еды, а потом почисть яблоко и принеси сюда!

С этими словами дверь с грохотом захлопнулась.

Жун Хуай сохранял холодное спокойствие. Шу Цзыхэ был занят тем, что разгребал скандалы вокруг Бай Мэнси, и еще не вернулся. Жун Хуай неспешно прошелся по квартире площадью менее пятидесяти квадратов, которая, несмотря на тесноту, была обставлена довольно уютно.

Уборкой в доме всегда занимался только Жун Хуай, но гостиная, коридор и даже его собственная спальня были забиты игровыми приставками, фигурками и лимитированными дисками. Всё это принадлежало младшему брату Шу Цзыхэ — Шу Цзыбао. Из вещей, принадлежавших лично Жун Хуаю, были лишь одежда, да и той было до обидного мало.

В конце концов, сколько бы денег он ни зарабатывал, всё уходило на содержание Шу Цзыхэ, Бай Мэнси и этого Шу Цзыбао.

Каждый раз, когда Жун Хуай хотел купить что-то для себя, Шу Цзыхэ его отговаривал:

— Зачем тратить деньги впустую? Мы живем для себя, нам всего хватает.

Девяносто процентов дохода приносил Жун Хуай, но на него самого тратилось меньше десяти. Зато если Бай Мэнси или Шу Цзыбао хотели что-то купить, Шу Цзыхэ всегда был щедр и решителен. Он объяснял это так:

— Мэнси вырос в таких же условиях, что и мы с Цзыбао. В детстве он был таким беднягой, у него ничего не было. Теперь у нас есть возможности, нужно стараться исполнять его желания.

Шу Цзыхэ то и дело предавался воспоминаниям о детстве:

— Мы даже свет экономили, не включали. В деревне дороги были из неровной желтой земли, ели одни паровые булочки да соленья. Только по праздникам, когда резали свинью, на столе появлялось мясо. Чтобы дойти до школы, приходилось преодолевать десять километров по горным тропам, до крови стирая ноги...

Жун Хуай обычно слушал это со слезами на глазах, поэтому, когда Шу Цзыхэ тратил его деньги на нужды семьи, он не только не возражал, но и спрашивал, достаточно ли этого, не нужно ли дать еще?

Но даже несмотря на то, что Жун Хуай считал семью Шу своими родными, отдавал им всё, что имел, оплачивал расходы и учебу Шу Цзыбао, в конце концов, когда его имя поливали грязью во всех сетях, этот шурин публично заявил прессе, что Жун Хуай — гомосексуалист, который бесстыдно преследовал Шу Цзыхэ.

Если Шу Цзыхэ был лицемерным неблагодарным подлецом, то Шу Цзыбао оказался настоящим волком, которого сколько ни корми, всё в лес смотрит.

Единственным, что действительно принадлежало Жун Хуаю, была стена в его спальне. На ней цветными кнопками были приколоты фотографии: совместные снимки с Шу Цзыхэ, корешки чеков из ресторанов, цветы, которые Шу Цзыхэ ему дарил, фотографии новогодних застолий — вся их повседневная жизнь. Были там и снимки Шу Цзыхэ в одиночестве, и несколько украдкой сделанных фото. Глядя на них, становилось ясно: Жун Хуай действительно очень сильно любил Шу Цзыхэ.

Порывшись немного, Жун Хуай забрал из спальни банковскую карту. Шу Цзыбао, прождав целую вечность и не дождавшись ни доставки, ни яблока, сбросил наушники, вышел в гостиную и нетерпеливо спросил:

— Ты доставку заказал? Яблоко почистил? Чего ты тут расселся?

<http://bllate.org/book/19893/1958364>